

Оглавление

РАСНЕ — начало	5
1937 — Первое кольцо	9
1. Сумасшедшие муравьи	14
2. Инквизитор	26
1945 — Второе кольцо	46
3. Consolamentum	52
1959 — Третье кольцо	74
4. Стена в лесу	82
5. Трансильвания	104
6. Допрос	136
1968 — Четвертое кольцо	157
7. Безвременник осенний	164
1972 — Пятое кольцо	188
8. Вода и ветер	196
9. Скинхеды	215
10. Рнешта	239
1984 — Шестое кольцо	262
11. Приговор	265
РАСНЕ — Последнее кольцо	295
Эпилог	311

РАСНЕ — начало

Гомер Лумис через стекло смотрел на грузное тело иезуита, привязанного ремнями к кровати за шею, запястья, талию и лодыжки. Без темных очков и с растрепанной бородой монах уже не выглядел таким энергичным. Его потухший взгляд застыл на лице сидевшей рядом с ним женщины, которая непрерывно что-то говорила.

Лумис повернулся к главному врачу, со знанием дела наблюдавшему за происходящим.

— Как называется эта процедура?

— «Управляемые визуализации». Похоже на легкий гипноз. Врач рассказывает пациенту нечто вроде сказки — вполне безобидной, но наполненной символами и эмоциональными образами. Если они произведут нужный эффект, пациент войдет в состояние транса, близкое ко сну.

— И все? — На суровом лице Лумиса ясно читалось сомнение.

— Нет, это только первый шаг, — в голосе психиатра появились учительские нотки. — До сих пор объекту удавалось сопротивляться любой прямой атаке. Визуализация должна ввести его в забытье, а это

необходимое условие для более глубокого гипноза. Проще говоря, мы стараемся ослабить поверхностные механизмы защиты психики, чтобы потом было легче атаковать наиболее устойчивые.

Несколько мгновений они молча смотрели на врача, полностью поглощенную своей речью. Бородатый монах теперь дышал более размеренно, его глаза были полускрыты. Опущенные на две трети зеленые рольставни создавали ощущение покоя, приглушая яркий солнечный свет, льющийся в окна.

— Хотите послушать? — спросил психиатр.

— А это возможно?

— Да, только недолго. Вы сами быстро поймете почему.

Он нажал на рычажок справа от стекла. Стал слышен голос врача, которая произносила какую-то бессмыслицу, резко меняла тембр, тон, силу и высоту, а иногда доходила до едва слышного шепота. Невозможно было понять ни одного слова.

— Это и есть визуализация? — Лумис даже не попытался скрыть удивление.

— Нет, врач уже перешла к следующей стадии. Голосовому гипнозу. Последовательность губных и гортанных звуков помогает проникнуть глубоко в мозг.

Вдруг Лумис с раздражением почувствовал, что свист, гул и резкие изменения тембра влияют и на него самого, неотвратимо пробираясь в сознание и парализуя мысли. Он поспешил поднять рычаг и сделал глубокий вдох.

— Просто невероятно. А на это нужно много времени?

— Как вы уже поняли, — иронично улыбнулся психиатр, — немного.

Через несколько минут женщина замолчала. Внимательно осмотрела пациента, который, казалось, погрузился в сон, потом пощупала пульс. И вопросительно глянула на людей за стеклом.

Главный врач нажал на рычаг переговорного устройства:

— Все готово?

Она кивнула.

— Тогда начинай допрос.

Женщина встала и подошла к пациенту так, чтобы тот мог ее видеть.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

Монах очень глубоко вздохнул. Открыл глаза и произнес:

— *Bien, pero estoy muy cansado.*¹

— Он говорит по-испански, — с досадой махнул рукой Лумис. — Мы должны были это предвидеть.

Услышав его слова, врач посмотрела на стоявших за стеклом и спокойно кивнула.

— Ничего страшного, — сказала она и повернулась к иезуиту. — Вы могли бы отвечать мне по-английски?

— Да.

— Расскажите о себе, о своей жизни. Где вы родились?

— Я родился в Вальядолиде, — начал пациент, уставившись в потолок, — в столице королевства Кастилия летним днем 1318 года. Тогда королем был маленький

---

¹ Хорошо, но я очень устал. (*Исп.*)

Цепи Эймérica

Альфонсо XI. но на самом деле правила его бабушка, Мария де Молина. Мой отец, служивший оруженосцем при дворе, решил отправить меня, совсем еще ребенка, в монастырь...

Главный врач застыл на месте, открыв рот.

— Боже мой,— прошептал ему на ухо Лумис,— сколько всего мы сейчас услышим!

1937 — Первое кольцо

Зайдя в отгороженный угол теплицы, где была устроена своего рода лаборатория, доктор Альберт Блэйкли обнаружил, что накануне вечером забыл выключить радио. И не только. На столе, среди исписанных бумаг и валявшихся как попало карточек, лежала книга, которую он перед отпуском обещал принести жене: «Пришли дожди» — только что изданный роман Луиса Бромфилда. К счастью, когда Альберт вернулся домой, жена уже крепко спала и не узнала о его забывчивости. А сейчас, в шесть утра, она *еще* спала. Поэтому все можно было исправить.

Вздохнув и пригладив усы, Блэйкли внимательно посмотрел на стеклянную емкость, в которой выращивал посеы. Если эксперимент удастся, его имя станет известно каждому ботанику — не только в Соединенных Штатах, но и во всем мире. При мыслях об этом его охватило мучительное и сладкое чувство ожидания, к которому примешивались еще не ослабевшие волнение и напряжение вчерашнего дня. Блэйкли стал действовать нарочито медленно, с наслаждением оттягивая момент, когда сможет убедиться в правильности своей гипотезы.

Он выключил радио, оборвав диктора, рассказывающего о нападении японцев на Китай. Потом, охваченный благоговейным трепетом, подошел к горшку, где рос тот самый сорт шафрана, который обладал нужными свойствами. Об этом Блэйкли догадался первым в мире.

Ну, может, не совсем первым. Согласно некоторым источникам, индейцы Амазонки использовали это растение, чтобы высушивать и мумифицировать головы убитых врагов. Но необходимую активную составляющую, содержащуюся в его рыльцах, на Западе так никто и не смог обнаружить — даже безумцы, которые в девятнадцатом веке использовали этот вид шафрана для лечения подагры.

Блэйкли еще раз вздохнул и погладил заметное брюшко; потом решительно зашагал к посевам клевера, которые в девять утра накануне обработал раствором, содержащим порошок из семян ложного шафрана.

Чувствуя, как колотится сердце, наклонился над стеклянной емкостью. Увиденное привело его, обычно сдержанного и спокойного, в такой восторг, что он не смог сдержать ликующий возглас.

Глазам Блэйкли предстало ужасающее и в то же время великолепное зрелище. Там, где вчера зеленело по три листочка, он насчитал четыре, пять и даже шесть. Тонкие стебли стали длиннее, толще, изогнулись змейкой или свернулись кольцами. Но больше всего впечатлял рисунок прожилок — даже дыхание перехватывало. Невообразимый хаос ромбиков и треугольников. Плод больного воображения какого-то безумца.

Пошатываясь, Блэйкли подошел к столу и рухнул в кресло. Все еще дрожа от возбуждения, он вытер пот со лба и вдруг подумал — какое же тогда воздействие этот алкалоид окажет на человека?

Страшно даже представить.

В тот же день, 22 июля 1937 года, в шести часовых поясах от лаборатории Блэйкли, немецкий биолог Якоб Граф с волнением ждал приема у министра народного образования и пропаганды Йозефа Геббельса. Дождь хлестал в стекла большого окна, из которого был хорошо виден огромный красный флаг со свастикой. Со двора доносился гул маршировавших по мокрому асфальту военных и грохот тяжелого мотоцикла с коляской, лавирующего между лужами. Время от времени офицер хриплым голосом выкрикивал команды окоченевшим от холода солдатам.

Граф ждал с десяти утра; он прекрасно знал, что военные действия в Испании активизировались, поэтому министр, скорее всего, очень занят. Не зря вокруг без конца сновали служащие с кипами карт, офицеры и зловещего вида люди в черных плащах.

Наконец украшенные орлом и свастикой высоченные двери распахнулись. К Графу подошел ээсовский унтер-офицер:

— Его превосходительство готов вас принять. Проходите.

На нетвердых от волнения ногах Граф последовал за офицером. Миновав холл, тот остановился и указал приглашенному на следующую дверь. Набравшись смелости, Якоб шагнул вперед.

Зайдя в небольшой и скупо меблированный кабинет, ученый отдал приветствие все еще дрожащей рукой. За длинным столом, под огромным портретом фюрера, сидел Геббельс. Прищурившись, он несколько секунд разглядывал Графа. Потом растянул тонкие губы в улыбке, и в ответ резко вскинул руку, как делал Гитлер.

— Присаживайтесь, профессор, и простите, если заставил вас ждать.

Дружелюбие Геббельса заставило страх немного отступить. Граф сел в кресло с высокой спинкой перед письменным столом.

— Профессор, я вас пригласил,— начал Геббельс, беря книгу, которая лежала на краю стола,— потому что получил второе издание вашей... — он склонился над томом и, медленно выговаривая каждый слог, произнес: — «Теория наследственности, наука о расах, борьба за наследственное здоровье».

— А. мой скромный труд,— смущенно улыбнувшись, Граф пожал плечами.

— Национал-социалистам не пристала ложная скромность, профессор,— довольно сухо возразил Геббельс.— Это впечатляющая работа. Очень глубокая.

— Вы слишком добры,— пробормотал Граф.

— Мы не только оценили данный труд по достоинству, но и собираемся применить ваши идеи на практике. До настоящего времени мы позволяли евреям эмигрировать, но не придерживались никакой четкой последовательной линии по отношению к психически больным, слепым, глухим, эпилептикам, идио-

там, заикам и всем остальным, загрязняющим нашу расу. Однако теперь партия намерена изменить свои действия — и вы указали нам верный путь. Борьба за генетическую чистоту расы подразумевает стерилизацию или устранение — в зависимости от конкретного случая.

— Да, все эти нарушения передаются по наследству, — согласился Граф. — Другого выхода нет.

— Хорошо. Такие умы нам нужны. Сообщаю вам, что в течение месяца вы получите официальное назначение на должность в университете, де-факто уже занимаемую вами. И возглавите исследовательскую программу, на которую будет выделено неограниченное количество средств. Хайль Гитлер!

Это был карт-бланш на то, чтобы без помех заниматься делом всей своей жизни. Граф вскочил на ноги, поднял руку и крикнул: «Хайль Гитлер!» Выходя из кабинета в сопровождении унтер-офицера, он чувствовал себя на седьмом небе от счастья. И все же душу терзали сомнения. Трансформация евгеники из теории в практику в рамках программы очищения расы казалась трудной задачей — уж слишком мало было известно о механизмах дубликации и мутации в клетках человека.

Граф по-прежнему не нашел вещество, которое при правильном использовании позволило бы контролировать механизмы мутации и помогло бы запустить процесс регенерации арийской расы. Но зато теперь у него есть много времени для размышлений.